

ДНО из воскресений
весной 1993 года было
всем хорошо: святым
праздником, чистым не-
бом, теплым солнцем. А
еще, впервые за много-
много лет, в Консервато-
рии, в Малом зале пела

Алла Соленкова.

Если вы еще юны и не знаете, кто это, — сбегайте спросите маму и бабушку. Они расскажут вам, что еще в пору фести-
валя молодежи и студентов 1957 года
заблестала молодая певица с великоле-
пным сопрано. Ее визиткой навсегда стал
альябьевский «Соловей» — телевидение
присудило ей победу в конкурсе на луч-
шее исполнение этого романса. В шести-
десятом — стажировка в Большом, пар-

Соловей и система

третья
октава
Аллы Соленковой

тии в «Вертере», «Риголетто», «Травиа-
те». Звезда взошла... и исчезла. Сейчас
деликатно пишут: «Конфликт с С. Лемеше-
вым, тогда директор Большого театра, вы-
нудил певицу покинуть труппу». А «конф-
ликт» был из банальных: «соловей» при-
гласился не только зрителям и критикам,
но и директору; ему не терпелось позна-
комиться поближе... Но Алла сказала: «А
разве можно так, без любви?» — и ушла
из главного театра страны. Сначала в дру-
гие, нестоличные, российские театры. А
потом не раз объехала весь Союз с соль-
ными концертами. В Москве филармония
залов не давала (а это верное средство
вырвать артиста из памяти публики), а ес-
ли давала изредка, то афиши Соленковой
приходилось расклеивать самой — ночью,
в темных очках, с банкой клея и кисточ-
кой в руках.

К досаде филармонии, ее власть на за-
границу не распространялась, и из Япо-
нии, Европы, Африки шли и шли пригла-
шения Соленковой. «Там» ей устраивали
овации и осыпали цветами, а президент
Никсон заявил: «Вы очаруете всю Амери-
ку». Странно, что она каждый раз воз-
вращалась. Однажды шведский импреса-
рио предложил ей руку, дом в Швеции и
антрепризу, но Алла Георгиевна сказала:
«Разве можно так, без любви?» — и уеха-
ла в московскую квартиру, где живет с
дочерью, а через неделю — новая гост-
роль, по Уралу и Сибири.

Фото Бориса ЕЛЬШИНА.

Она могла быть сейчас примадонной
Ла Скала и миллионершей... «Я совершен-
но довольна своей судьбой. Всю жизнь я
занималась любимым делом, в каждом го-
роде меня встречает замечательная, пре-
данная публика, — говорит Алла Георги-
евна. — Я все-таки певица от рождения,
даже не мать, не жена и не кто другой». И
не диссидент, не борец с системой. Ее
притесняли — она пела, теперь уже и сис-
тема рухнула, — а невысокая женщина с
синими глазами все так же поет. Колора-
турное сопрано — голос очень неудобный.
Это контральто может широкими мазками
набросать драматический характер. Со-
прано должно ювелирно вышивать золо-
той ниткой. В третьей октаве стоит оши-
биться в одной нотке, в одном стежке —
картина будет испорчена. Соленковой по
сей день подвластны и виртуозные ита-
льянские экзерсисы с прыжками в две ок-
тавы, и колыбельная Моцарта о рыбках в
пруду, и полные затаенной страсти рус-
ские романсы. Только что фирма «Русский
диск» выпустила ее пластинку именно с
романсом.

КАК ей удастся столько лет держаться
в певческой форме — ее тайна. Еще
в 1961 году, когда она стажировалась в
Ла Скала, маэстро Дженнаро Барра ска-
зал ей: «Алла, твоя третья октава — от
Бога. Береги ее», — и подробно расска-
зал, как это сделать. Но вытянуть из Ал-
лы Георгиевны профессиональные рецепты
невозможно. «Если найдется молодая де-
вочка, которая захочет стать моей учени-
цей, если будет так же, как я когда-то, ра-
ботать день и ночь, пропускать свидания
и забывать обо всем на свете — ей я рас-
скажу».

Анна ЗАЙНАШЕВА.

Моск. консерватория - 1993 - 1994